

0- 795271

На правах рукописи

Мидова Джульетта Хаутиевна

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

10. 02. 19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК – 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Научный руководитель – доктор филологических наук профессор
Башиева Светлана Конакбиевна

Официальные оппоненты: **Бижева Зара Хаджимуратовна,**
доктор филологических наук профессор
ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», профессор кафедры истории языка и сравнительного славянского языкознания.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000808141

Хабекирова Зарема Схатбиевна,
кандидат филологических наук доцент,
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», заведующая кафедрой иностранных языков.

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет».

Защита состоится 12 апреля 2012 года в 15.30 на заседании диссертационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, г. Нальчик, Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК Минобрнауки России <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан ¹⁰ марта 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Чепракова Татьяна Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию концепта «толерантность» как лингвокультурного феномена.

Актуальность исследования. В современной отечественной науке наблюдается устойчивый интерес к проблеме толерантности, что объясняется, на наш взгляд, ростом межэтнических, межконфессиональных противоречий и необходимостью в связи с этим изучения опыта толерантного коммуникативного поведения в различных социумах. Особую актуальность приобретает исследование толерантности как феномена лингвокультурной традиции в Северо-Кавказском регионе, зоне повышенного внимания.

Толерантность как объект науки носит мультидисциплинарный характер, поэтому представляет интерес для исследователей различных отраслей и направлений. В поле зрения ученых находятся такие аспекты, как философский [Лекторский 1997; Уолцер 2000; Мчедлов 2002; Першев 2005; Абдулкаримов 2004], этический [Валитова 1997; Касьянова 2009], социологический [Анциферова 2007], культурологический [Капто 2001; Юровских 2004; Обукаускайте 2007], педагогический [Борсук 2007, Николаева 2007], психологический [Недорезова 2005, Батурина 2008], исторический [Батагова 2010], лингвистический, в том числе лингвокультурологический [Сумина 2007; Аболин 2009; Богатырева 2010; Башиева, Геляева 2002, 2008, 2010], социолингвистический [Крысин 2004], коммуникативный [Стернин 2003; Растаева 2008], лингводидактический [Шамсутдинова 2006] и др.

Констатируя то, что концепт «толерантность», с одной стороны, как многоаспектная и универсальная, а с другой – как специфичная парадигма исследован в различных областях науки, необходимо отметить, что в каждом этническом сообществе имеются некие традиции, нравы, играющие роль регулятивов в гармонизации общения, стабилизации межэтнических отношений, в консолидации различных этносов. Следует отметить, что концепт «толерантность» занимает в кавказской языковой картине мира особое место в силу специфики своего концептуального содержания, отражающего ценностные доминанты в культуре поведения народов Северного Кавказа, в том числе и кабардинцев (адыгов). Стремление к достижению согласия, мира, взаимопонимания, социального равновесия лежат в основе уважительных отношений между членами кавказских этносов испокон веков, поэтому толерантность нами в диссертационной работе рассматривается как лингвокультурный феномен. Для реализации позитивного потенциала толерантных установок необходимо изучить сущность, концептуальное содержание толерантности и на материале языков народов Северного Кавказа, в том числе и кабардино-черкесского языка, и тем самым осмыслить роль концепта «толерантность» в профилактике негативных

общественных явлений, а также при принятии мер по регулированию межэтнических, межконфессиональных и иных противоречий. Этим определяется выбор нами темы исследования и ее актуальность.

В качестве рабочей дефиниции толерантности мы выбрали определение, данное в Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [статья 1].

Цель диссертационной работы – исследование толерантности как лингвокультурного феномена на материале кабардино-черкесского языка с привлечением данных русского и английского языков как фонового материала.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1) изучить методологические и теоретические основы исследования концепта «толерантность»;

2) выявить и описать этноспецифичные репрезентанты концепта «толерантность» в кабардино-черкесской лингвокультуре, которые играют значительную роль в реализации стратегии позитивной коммуникативной деятельности адыгского сообщества;

3) выявить представления о толерантности в языковом сознании молодого поколения путем ассоциативного эксперимента среди студентов гуманитарных факультетов КБГУ.

Объект исследования – концепт «толерантность» как лингвокультурный феномен.

Предметом исследования являются лингвокультурные репрезентации концепта «толерантность», разнообразие которых свидетельствует о разнообразии стратегий коммуникативного поведения членов различных сообществ, в том числе и кабардино-черкесского этноколлектива.

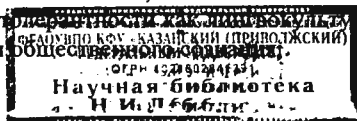
Научная новизна исследования состоит в том, что

1) проблема толерантности впервые рассмотрена с точки зрения когнитивного моделирования с учетом ментальных факторов на основе изучения репрезентантов, специфичных для адыгской картины мира,

2) выявлены и описаны особенности толерантных установок адыгского социума;

3) установлена зависимость толерантных взаимоотношений от специфики мировосприятия этноколлектива;

4) определена роль толерантности как лингвокультурного феномена в позитивной трансформации общественного сознания.

5) описана значимость ментальной составляющей толерантности «намыс» как кумулятора стереотипов норм поведения адыгского социума;

6) выявлена актуальность феномена толерантность для языкового сознания носителей кабардино-черкесского языка.

В работе использованы следующие методы и приемы: описательный метод, метод концептуального анализа, метод компонентного анализа, экспериментальный прием, приём сплошной выборки материала из лексикографических и фразеографических источников.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых: С. А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой. Л.П. Крысина, С.Г. Воркачева, Е.С. Кубряковой, С.Г. Слышкина, В.И. Карасика, Н.Н. Болдырева, И.А. Стернина, А.П. Бабушкина, А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, Дж. Лакоффа, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телии, Р.М. Фрумкиной, Л.О. Чернейко, А.Д. Шмелева, В.З. Демьянкова, М.Б. Хомякова, А.А. Залевской, З.Х. Бижевой, В.А. Лекторского, В.Л. Тишкова, W.Bechtel, R. Dirven, S. Laurence, G. Murphy, Pay S. Jackendoff и др. Кроме того, мы опирались на работы известных кабардинских этнографов Б.Х. Бгажнокова, С.М. Мафедзева.

Рабочая гипотеза. Когнитивная модель концепта «толерантность» отражает стереотипное представление этноса о культурных и этических ценностях, детерминирующих его прагматические установки на мирное сосуществование, то есть в основе толерантности лежит прежде всего морально-этический принцип, предполагающий уважительное отношение к Другому, Чужому.

Положения, выносимые на защиту.

1. Концепт «толерантность» – лингвокультурная модель, предопределенная представлениями этноколлектива о культуре мирного сосуществования.

2. Лингвокультурное понимание толерантности, зафиксированное во фразеологических и паремиологических единицах, влияет не только на формирование этических, культурных ценностей, но и на трансформацию их в иные ценности. В связи с этим исследование концепта «толерантность» на материале различных языков приобретает особую значимость в интеграции различных сообществ.

3. Различные этнокультурные репрезентанты толерантности в языках – свидетельство того, что у каждого этноса свои нормы поведения как общечеловеческие, так и специфичные, то есть ценностные доминанты и предпочтения, которые оказывают позитивное влияние на поведенческую деятельность людей.

4. Концепт «толерантность» в кабардино-черкесском языке обладает национально-специфическими характеристиками, которые влияют на стратегию позитивного общения в определенных ситуациях, так как в основе толерантности лежат морально-этические нормы. Ключевым репрезентантом его

является намыс «уважение», содержание которого отражено в Адыгэ хабзэ – морально-этическом кодексе кабардинцев.

5. Знание этической категории «намыс» как способа и формы организации мирного сосуществования членов социума и использование ее когнитивных единиц в социальном взаимодействии позволит сделать процесс коммуникации между людьми различных национальностей, вероисповедания более эффективным.

6. В языковом сознании представителей молодого поколения адыгского сообщества концепт «толерантность» представлен в виде набора морально-этических ценностей – терпение, уважение, сдержанность, порядочность, человеколюбие и т.д. (более 70 реакций), что свидетельствует об актуальности и приоритетности толерантности как культурно маркированной единицы языка.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем:

1) в ней получили дальнейшее развитие основополагающие положения о сущности и содержании толерантности, разработанные учеными в различных областях науки (философии, социологии, лингвистике, культурологии и т.д.);

2) описанные в работе репрезентанты, специфичные для кабардино-черкесского сообщества, а также представленная модель концептуального поля концепта «толерантность» в адыгской лингвокультуре внесут определенный вклад в уточнение понимания концепта «толерантность»;

3) полученные результаты открывают возможности для использования их при оценке ценностных приоритетов в лингвокультурных традициях различных этноколлективов.

Практическая ценность работы состоит в том, что репрезентанты концепта «толерантность», характерные для адыгской лингвокультуры, могут быть использованы специалистами в различных областях науки при выстраивании соответствующих стратегий поведения, а также в процессе преподавания лингвокультурологии, теории коммуникации, риторики и др. дисциплин в вузах.

Эмпирическую базу исследования составили фразеологические и паремиологические единицы, объективирующие концепт «толерантность», извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических, фразеологических источников, сборников пословиц и поговорок [Кабардино-русский словарь 1957; Словарь кабардино-черкесского языка 1999; Зимин, Спиринов 1996; 1000 русских и английских пословиц и поговорок: электронный ресурс] и др., а также результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей кабардино-черкесского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 8 научных статьях, в том числе две из них опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, доложены на конференции молодых ученых КБГУ (Нальчик, 2004), на Международной

научной конференции «Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы» (Элиста, 2007), Всероссийской научно-практической конференции «Толерантность в России: история и современность» (Волгоград, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы обучения родным языкам в условиях полиэтнического общества» (Нальчик, 2008), лингвистическом семинаре института филологии КБГУ (Нальчик, 2009), Всероссийской научно-практической конференции «Реализация модели «Культурологическая национальная школа» на Северном Кавказе» и Международного семинара «Женщина и бизнес: международное сотрудничество с Северо-Кавказским регионом» (Барнаул, 2011).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во вводной части диссертации обоснована актуальность, определены цель, задачи, теоретическая и практическая значимость исследования, сформулированы гипотеза и основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Методологические и теоретические основы исследования» рассматриваются такие вопросы, как: концепт в парадигме современной лингвистики», дифференциация концепта и понятия, толерантность как многомерный феномен.

Во второй главе «Толерантность как лингвокультурный феномен» выявлены и описаны национально-специфические репрезентанты концепта «толерантность» как по данным лексикографических источников, так и по фразеологическим и паремиологическим материалам, рассмотрена значимость ментальной составляющей толерантности «намыс» в реализации толерантных установок, а также некоторых формул речевого поведения (извинения, благопожелания), выступающих в речи в качестве регуляторов поведения коммуникантов, описываются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов КБГУ, которые отражают субъективные представления молодых носителей кабардино-черкесского языка о феномене толерантности.

В Заключении даны выводы и обобщения, а также определены перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Глава 1. Методологические и теоретические основы исследования.
В разделе 1.1. «Концепт в парадигме современной лингвистики» проведен небольшой экскурс в историю становления теории концепта в целях понимания особенностей теоретической разработки концепта и его становления как важного инструмента исследования языковых единиц, рассматриваются

различные векторы изучения сущности концепта и внутренней (ментальной) репрезентации как на материале русского, так и иностранных языков. Значительный вклад в эту область исследования внесли С.А. Аскольдов – Алексеев, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Дж. Лакофф, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.Г. Кузнецов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, В.Н. Телия, А.П. Бабушкин, А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и др., чьи труды послужили методологической базой для дальнейшего исследования репрезентации концепта «толерантность».

В современной лингвистике неоднократно высказывалась мысль о многоаспектности концепта, ассоциируемая прежде всего с его сложностью и внутренней расчлененностью [работы Е.С. Кубряковой, А.П. Бабушкина, З.Д. Половой, И.А. Стернина, Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачева и др.].

В соответствии с целью и задачами настоящего диссертационного исследования нас интересует, в первую очередь, лингвистическое осмысление рассматриваемого феномена. Все исследователи едины во мнении о том, что понятие концепта функционирует как средство выражения человеческих знаний об окружающем его мире, при этом, как отмечает Е.С.Кубрякова набор универсальных концептов структурирует само концептуальное пространство и выступает основными рубриками его членения [1991:91] в процессе вербализации языковыми средствами сегментирования действительности на фрагменты-ситуации [Бабенко 1999:25]. Е.С. Кубрякова особо подчеркивает универсальность термина «концепт» и определяет его как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1996: 90].

Представленное в научной литературе разнообразие понимания концепта объясняется, в первую очередь, существованием нескольких подходов к исследованию концептов (системно-языковой, денотативный, сигнификативный, функционально-прагматический и др.). Наше диссертационное исследование придерживается первого из перечисленных подходов. Многочисленные трактовки концепта можно распределить на три основные группы: а) когнитивная интерпретация концепта [Е.С. Кубрякова, В.Ф. Новодранова, И.К. Архипов, Н.Н. Болдырев и другие], где термин «концепт» является центральным. Наиболее распространённым в русской когнитологии стало определение концепта, предложенное Е.С. Кубряковой (см. выше); б) лингвокультурологическая интерпретация концепта [Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик и др.], согласно которой концепт характеризуется рядом признаков, что позволяет включать в концепт разнообразные ментальные признаки; в) синкретичная интерпретация содержания концепта [С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачёв, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачёв, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.], в которой совмещены когнитивный и лингвокультурологический подхо-

ды. Так, Д. С. Лихачёв в своих статьях о концепте и концептосфере развивает мысли С.А. Аскольдова-Алексеева о том, что содержание концепта обусловлено национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации...» [Лихачёв 1997: 282]. Синкретичность в подходе к пониманию содержания концепта наблюдается также в работах Н.Ф. Алефиренко и В.И. Карасика, которые представляют концепт как «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [Алефиренко 2002: 225] и «многомерное смысловое образование...» [Карасик 2002: 129].

Суммируя мнения исследователей о логическом [Г.А. Брутян, Р.А. Павленис], психологическом [А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин] и лингвокультурологическом характере [С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов] концепта, можно рассматривать его как смысловую абстракцию, функция которой состоит в представлении в сознании человека воспринимаемой им окружающей действительности.

Таким образом, термин «концепт» в лингвистике рассматривается двояко: в узком понимании «концепт» приравнивается к понятийному компоненту значения слова, называемому разными исследователями по-разному: денотат, дефинит, сигнификат, лексическое понятие, референт; в широком понимании термин концепт используется в связи с когнитивным подходом в лингвистике.

Анализ существующих точек зрения на концепт и его определений позволяет утверждать, что концепты рассматриваются как некие способы репрезентации действительности в сознании людей, как «сгустки смысла», несущие важную культурную информацию и находящие свое конкретное выражение в виде знаков (в широком понимании знака): в языке, в искусстве и т.д.

Далее в рамках диссертационного исследования в **параграфе 1.2. «К дифференциации концепта и понятия»** рассмотрена проблема сходства и различия концепта и понятия. Анализ научных источников [Ю.С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, И. А. Стернин, Л. О. Чернейко, В.А. Долинский, В.И. Карасик, В.Н. Телия, В. З. Демьянкова и др.], позволяет сделать вывод о том, что, в отличие от концепта, понятие, будучи инструментом анализа в логике, отличается четкостью границ. Оно может быть определено как концепт, обработанный наукой. Понятие является базовой единицей научной картины мира, а концепт – единицей наивной картины мира, которая лежит в основе языковой картины мира. Концепты находят свое вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, а также грамматических форм и синтаксических структур.

В параграфе 1.3 «Концепт «толерантность» как многомерный феномен» анализируются различные точки зрения на сущность толерантности, свидетельствующие о том, что тема толерантности высоко актуальна и важна для современности. Следует отметить при этом, что толерантность в силу своей многогранности и многомерности до сих пор не имеет в современной науке однозначного определения, несмотря на то, что проблема толерантности является одной из ключевых в междисциплинарных исследованиях. Разноликость и многомерность понятийной и образной составляющих концепта «толерантность», сложная структурированность его внутреннего содержания, наличие или отсутствие однозначной лексической номинации, практическая невозможность однозначных интерпретаций, национально-культурная специфичность, универсальность и декларируемая всеми исследователями глобальность, лежащие в основе этого феномена, являются причиной отнесения рассматриваемого концепта к предметной области таких разных наук, как философия и этика, психология и этнография, социология и культурология, языкознание и история. Изучение концепта «толерантность», таким образом, неизбежно осуществляется на стыке ряда научных дисциплин, в их тесном взаимодействии. В нашей работе мы опираемся на различные научные направления, руководствуясь не избирательным, а целостным подходом к описанию содержательных, лингвокогнитивных и языковых характеристик исследуемого концепта.

Абсолютное большинство исследователей совершенно объективно и справедливо отмечает тесную связь толерантности с этическими и моральными нормами и правилами межличностного общения. Так, Н.К. Рябцева пишет, что «...социальное взаимодействие вообще и общение в частности предполагает выражение положительного, благожелательного и т.п. отношения к адресату и потому предписывает интересоваться делами другого человека – это часть этикета, вежливого и правильного поведения» [Рябцева 2005: 310]. В этой связи особое значение, по мнению С.С. Тахтаровой, приобретают прикладные аспекты изучения концепта «толерантность», задачи, направленные на формирование и развитие коммуникативной толерантности в структуре языковой личности [Тахтарова 2008:65].

Следует особо подчеркнуть своеобразие функционирования данного феномена в адыгской культуре, равно как и во всем северокавказском пространстве: нормы поведения, моральные ценности довольно консервативны, они наследуются каждым новым поколением от прошлых эпох, не претерпевая практически существенных изменений. При этом и принцип толерантности, заложенный как фундаментальное понятие этнической культуры, перенимается как заранее заданное, требующее соблюдения, но не трансформации. Необходимо отметить, что в кабардинской этнокультурной традиции данный феномен достаточно четко очерчен во внутренней структуре Адыгэ хабз, морально-этического кодекса, а

само понятие не имеет однозначного лексического обозначения и выражается в различных лексических единицах, отражающих отдельные ситуативно обусловленные стороны исследуемого концепта.

Во второй главе «Концепт «толерантность» как лингвокультурный феномен», состоящей из двух параграфов, рассматриваются словарные дефиниции понятия толерантность в кабардино-черкесском, русском и английском языках, этнокультурные репрезентации концепта «толерантность», особенности репрезентации его в языковом сознании молодого поколения. Анализ лексикографических источников показывает, что в кабардино-черкесском языке лексема толерантность отсутствует. Если исходить из того, что обогащение языков народов РФ в основном происходит через русский язык, то и в нем, как пишет И.А. Стернин, «...этот концепт еще находится в процессе становления и поэтому не имеет очерченной структуры, не может считаться общеизвестным и тем более общенациональным», более того он «вызывает неприятие у многих носителей русского языка, особенно у лиц среднего и пожилого возраста», «воспринимается лишь незначительным слоем образованного населения, большинство же носителей русского языка относится к нему негативно или отождествляет его с терпением, необходимым для перенесения боли, тягот и т. д.» [Стернин 2005: 327].

Анализ толкований понятия «толерантность» с различных точек зрения – лингвистического, медицинского, философского, социологического, психологического и т.д. показывает, что под толерантностью в русском языке подразумеваются терпимое отношение к чему-кому-либо (религии, к чужому, другому), выносливость, способность переносить что-либо. В английском языке толерантность определяется так же, как и в русском языке, как терпимость. По мнению И.А. Стернина, концепт «толерантность» в английском языке – сформированная категория, о чем свидетельствует «английское коммуникативное поведение», для которого характерно большое количество черт [см.: Стернин 2005: 331–332].

Этническое видение стратегии позитивного сосуществования различных социальных групп в поликонфессиональном и полинациональном российском обществе представляет собой большой интерес для современной науки, так как противоречия различного характера, существующие в нем, в частности политические, религиозные и иные, способствуют повышению уровня тревожности населения России. Фразеологический и паремиологический материал показывает, что в системе морально-этических предпочтений и ценностей кабардинцев присутствуют этноспецифические репрезентации концепта «толерантность», одним из которых является лексема **намыс/нэмыс**, которая не имеет однозначного смысла. Она отражает специфику стратегии гармоничного поведения членов кавказского социума в различ-

ных типовых и нетиповых ситуациях, в частности исключает негативное межличностное психоэмоциональное поведение, то есть агрессивность, нежелание принимать мнение собеседника. Согласно Б.Х. Бгажнокову, намыс – «это обозначение одной из пяти заповедей адыгства – почтительности и сумма соответствующих данной заповеди свойств: вежливости, деликатности, скромности, послушания» [Бгажноков 1999: 42].

Исследование концепта «толерантность» в связи с репрезентантом «намыс» в лингвокультурологическом аспекте впервые было проведено С.К. Башиевой, А.И. Геляевой, И.Р. Мокаевой в работе «Концепт «толерантность» как составляющая нравственной категории «намыс» в северокавказском лингвокультурном пространстве». По их мнению, категория «намыс» как основа толерантности регламентирует позитивное взаимодействие людей, поэтому занимает в этнокультуре приоритетное место [2010: 153–159]. На наш взгляд, такой подход к проблеме толерантности отличается от других подходов не только новизной, но и неожиданностью, так как большинство ученых рассматривают толерантность прежде всего как терпимость.

Данные лексикографических источников позволяют утверждать о том, что слово «нэмыс» (намыс) в кабардино-черкесском языке, как и в других языках народов Северного Кавказа, имеет несколько значений: *скромность, приличие, почет* [КРС 1957: 276], 4) *пристойность, уважение* [СКЧЯ 1999: 533]. В кабардино-черкесском языке содержание понятия «намыс» репрезентируется такими лексическими единицами, как *щыхь, тцлэ, лъытэн, лъытэныгъэ, флэлъык, лъаплэныгъэ*. Приведем толкование двух из них в Словаре кабардино-черкесского языка: *щыхь* – почет, уважение / *И лэжсыгъэм и дуней теткълэфым пэклуэу зыгуэрэм ирах лъаплэныгъэ, тцлэ* (букв.: честь, уважение, которое оказывают человеку согласно его деятельности и образу жизни) [СКЧЯ 1999: 817]; *лъытэн* – уважать, чтить кого-л. / *Пцлэ хуэщлын, зыгуэрэм фыклэ гу лъытэн* (букв.: оказывать почет кому-либо, оказывать внимание кому-либо). «*Узэралъагъу уафлощ, узэрафлэщлы уалъытэ*» – «Уважение людей к тебе будет зависеть от того, с какой стороны себя покажешь» [1999: 502]. Все они связаны с понятием «уважение». Об этом свидетельствуют такие языковые единицы, как: *нэмыс илэн* «пользоваться уважением, почетом», *нэмыс хэлъын* «быть учтивым, благопристойным», соблюдать правила приличия, *нэмыс хуэщлын* «относиться к кому-либо с уважением, почтением», *нэмысыфлэ* «уважительный, учтивый, почтительный; скромный, порядочный благопристойный» / *Нэмыс зыхэлъ, цыхум тцлэ яхуэзыщл* (тот, кто обладает намысом, кто уважает людей). Уважающий себя человек не будет относиться к другим неуважительно, иначе он заслужит всеобщее порицание: «*Щыхьмыщл щыхь игуэтыркъым*» – «Кто никого не уважает, того тоже никто не уважает». Очевидно, поэтому кабардинцы говорят: «*щыхь хуэфэцэн*» –

«быть достойным уважения», то есть заслужить уважение к себе, «*Щыыхъ къуэфачэмэ, жьантлэм уашэнц*» – «Если ты заслуживаешь почета, то тебя поведут на почетное место». Приведенным языковым единицам антонимична лексема *нэмысыннэ* «нескромный, непорядочный; бесцеремонный» / тот, кто не уважает людей. Кабардинские пословицы «*Нэмысыншэр нэсыпыннэц*» – «Не имеющий намыса не обретет счастья»; «*Нэмыс эдэщымылэм насып шылэкъым*» – «Где нет намыса, там нет и счастья»; «*Нэмысым насып къыдокуэ*» – «За намысом следует счастье» отражают универсальные морально-этические представления об уважении, в частности такие, как честь, совесть, достоинство. Этот набор в концентрированном виде представлен в Адыгэ хабзэ – кодексе поведения, в котором четко дифференцированы такие оппозиции, как старший – младший, свой – чужой, гость – хозяин, мужчина – женщина, пожилой – молодой и т.д., то есть в нем прописаны социальные, межпоколенные отношения, в рамках которых должно происходить позитивное взаимодействие людей. А.С. Мирзоев пишет: «Чувство личной уверенности в жизни, вес и уважение в обществе человека давали не одна грубая сила и храбрость, а прежде всего соблюдение норм Адыгэ хабзэ» [Мирзоев 1999: 240].

Безусловно, репрезентант «намыс» содержит в себе такой когнитивный признак, как особое уважение к старшим по возрасту: «*Щлэм еклур лыфлци, жьым шытхьур нэмысыфлэц*» – «Кто идет в ногу с новым (прогрессивным) – настоящий мужчина, а кто хвалит стариков, тот воспитан»; «*Нэхъыжэ нэмыс, нэхъыцлэ насып*» – «Почитание старца – счастье для молодого»; «*Нэхъыжэ зымыгъэланлэр цхьэлъанлэгъуэ ихуэркъым*» – «Того, кто не почитает старших, никогда не будут почитать»; «*Нэхъыжэмы жьантлэр ейц*» – «Старшему принадлежит почетное место»; «*Зи нэхъыжэ едалуэ и луэху мэкуатэ*» – «У того, кто слушается старших, дела продвигаются»; «*Щлэр ягъэлуц цхьэклэ, жьыр яуцийркъым*» – «Молодого наставляют, да старого не поучают». Эти образные единицы показывают, что в рамках этнокультурного знания адыгов сформирована важнейшая этическая ценность – уважительное, толерантное отношение к старшим, особенно к старикам.

Кроме того, понятие «нэмыс» предполагает и терпимое отношение к окружающим, благородство, воспитанность, добропорядочность. Вести себя соответственно намысу – значит заслужить уважение и почет окружающих своим достойным поведением: «*Нэмыс тылымэ, уи цхьэц зыхуэтцыжыр*» – «Если оказать кому-то почтение, то оказываешь его себе»; «*Нэмысыр лъэбуклэ къахьыркъым*» – «Намыс достигается не просьбами» (то есть общественное признание нужно заслужить). Человека, оказывающего намыс, уважают и почитают: «*Щыхур нэмысыфлэмэ, флэлъылк илэц*». По мнению адыгов, «*Зыцлэхъым къытцлэхъыжэ*» – «Кого уважишь, тот тебя в свою очередь уважит»; «*Щыхум хуэтцл тылэр зыхуэтцыр уи цхьэриц*» – «Уважение, которое ты оказываешь дру-

тому, – это уважение, которое ты оказываешь сам себе». С другой стороны, этикет предписывает: «Цыхум и нэмысыр хьумэ» – «Береги намыс человека», «Цыхум и нэмысыр умыкьутэ» – «Не покушайся на намыс человека».

В русской лингвокультуре уважение, почет, честь также взаимосвязаны: «Кого уважают, того почитают», «Кого почитают, того величают», «Честь лучше богатства», «За чужой счет не купишь почет», «Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает», «Где честь, там и разум».

Намыс имеет и такой репрезентант, как скромность, в основе которого также лежит уважение как к окружающим, так и к себе. В лексикографических источниках скромность ассоциируется с такими понятиями, как *цэныфлагъэ* «тактичность, воспитанность, скромность», *цэныфлэ* «воспитанный, тактичный; скромный» / Шээн дахэ, шэныфл зыхэлэ, цыху гъэса (воспитанный человек с красивыми манерами); *цэныфлэу шытын* «быть воспитанным, тактичным скромным; не совершать поступки, за которые окружающие люди могут порицать»; *цэныфлэу псэлээн* «скромно говорить»; *уеплэмэ плъыжь мэху* «скромный: посмотришь – краснеет», то есть с приличием. В кабардино-черкесских лексикографических источниках отсутствует слово приличие. В связи с этим мы обратились к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, в котором слово приличный имеет значения «соответственный, сообразный, приличествующий», а *приличник* – *ница* – «скромный, вежливый, пристойный человек» [Даль 1998, т. 3, 423], *пристойный* – *приличный, сообразный, степенный, чинный, благородный, скромный, обходительный*. Как видно из приведенных толкований, пристойность, приличность тесно связаны по своему содержанию со словами скромность, нравственность, непорочность и используются при оценке поведения человека. В кабардино-черкесском языке эквивалентами лексем пристойность, приличие можно рассматривать следующие слова: *шыкляфлагъэ* «хорошие манеры; воспитанность, тактичность» / Гъэса, зэплэзэрыт, шыклэ дахэ зилэ (цыху) (воспитанный, уравновешенный человек с хорошими манерами); *шыкляфлээн* (*шыкляфлээн*) «быть воспитанным, тактичным» / Цыхум дахэу хэтын, шыклэ дахэ илэу шытын (хорошо вести себя среди людей, иметь хорошие манеры) [СКЧЯ 1999: 815]. По мнению М. Фасмера, в основе слова приличный лежит слово лик (лицо) [Фасмер 1987, т. 3, 364]. В кабардино-черкесском языке слову лицо / лик соответствует лексема *напэ*, которая используется при концептуализации понятий «совесть», «честь»: *адыгэ напэ* «совесть, честь адыга», *лэпкь напэ* «совесть, честь народа», *напэтех* «потеря совести, чести», *уэркь напэ* «дворянская честь», *напэ хужь* «чистая совесть» (букв.: белое лицо) и т.д. (ср. антонимы *напэ илэц*, *цыхугъэ хэлъц* «честный, совестливый», то есть имеющий лицо; *напэ зымылэ* (*напэниэ*) «бесчестный, бессовестный», то есть не имеющий лица, без лица).

Достаточно емкое определение совести дано и В. Далем: «Совесь – нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [Даль 1998, т.4: 256–257]. Синонимом слова совесть в русском и английском языках выступает лексема стыд: «*Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет*», «*He that has no shame, has no conscience*» – «*У кого нет стыда, у того нет и совести*».

Анализ фактологического материала показывает, что совесть в кабардино-черкесской лингвокультуре ассоциируется с *лицом* (ср. у него есть лицо – совестливый, у него – нет лица – бессовестный), в русской лингвокультуре совесть – с *добром* «*Добрая совесть не боится клеветы*», в английской – с *правдой* «*A clear conscience laughs at false accusations*» – «Чистая совесть смеется над ложными обвинениями». Интересно и такое понимание совести в русском языковом сознании: «*Корысть оглушает совесть*», то есть выгода, соблазн выше совести, это свидетельство того, что совесть является своеобразным регулятором коммуникативного поведения человека. Этикетное поведение предполагает скромность, толерантность и в речевой деятельности: «*Уи псапэ гъэлэси – уи нэмыс гъэбыдэ*» – «Умерь свою речь и укрепи свой намыс».

Одним из репрезентантов концепта «толерантность» в кабардино-черкесской лингвокультуре является лексема сдержанности/ «*тэмаккълыхъагъэ*». В Словаре кабардино-черкесского языка она определяется не только как способность сдерживать свой гнев, но и как способность быть терпеливым [СКЧЯ 1999: 614]. «Тэмаккълыхъагъэ» противостоит...негативным, бурным реакциям субъекта на возмущающие, раздражающие действия и поступки людей, – пишет Б.Х. Бгажноков. – В таких случаях следует помнить не только о необходимости сохранять спокойствие как таковое, но и об обязанности прощать людей за их ошибки, заблуждения, неточности, за неосторожные или неуместные действия или слова» [Бгажноков 1999: 65].

В психологии под сдержанностью подразумевается «торможение внутреннего побуждения», обусловленное «сверхжестким воспитанием в детстве» [Кондаков 2000]. Адыгской этике, как нам представляется, более близко определение, данное в «Словаре конфликтолога»: сдержанность – это «волевое качество личности, показатель ее самоорганизованности и внутренней самодисциплины» [Анцупов, Шипилов 2009]. Его можно дополнить пониманием толерантности как «умения не поддаваться бурным проявлениям эмоций с внешним выражением этого в резких словах» [Романова, Филиппов 2010]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сдержанность – это как

давление на себя, так и подавление себя, то есть быть толерантным очень сложно и трудно в определенных ситуациях, хотя именно сдержанность является в некоторых случаях залогом успешного общения.

Слово *«тэмакълыхъ»* с кабардино-черкесского языка переводится как «длинное горло». По представлениям адыгов, чем длиннее горло, тем терпеливее человек, потому что, как отмечает Б.Х. Бгажноков, «эмоции гнева успевают затихнуть, не обнаруживая себя. В противном случае выходят наружу в виде реакций, идущих вразрез с правилами приличия (бранные слова, рукоприкладство и т. д.)» [1999: 65]. Выражение *«тэмакълыр екъухыжын»* (сдержаться, взять себя в руки) означает «загнать обратно то, что поднимается вверх по горлу», то есть не дать вырваться отрицательным эмоциям, гневу, так как в аффективном состоянии человек совершает необдуманные поступки. Близкое к значению языковой единицы *тэмакълыхъагъ* имеет и глагол *«зышылэн»* (*зешылэ*) «проявить выдержку, сдержаться»: *«Бетлал зышылац, и тэмакълым къырдырхъея псалъэ хъуэрхъери ерагълэ иригухац»* – (букв.: Бетал сдержался, он заставил себя задвинуть обратно злые слова, подкатившие к горлу) [СКЧЯ 1999:303]. К этому глаголу примыкают по семантике и другие лексемы: 1. *Зыубыдын* (*зеубыд*) – сдержаться / *зыэттелыгъэн, зышылэн; къэмыгубжъу зыубыдын* (букв.: сдерживать себя, не проявляя гнева). Здесь следует вспомнить о том, что под толерантностью в адыгской культуре понимают «прежде всего способность победить в гневе свой язык» [Бгажноков 1999: 66]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в основе гнева лежат психические процессы, присущие людям независимо от национальной, расовой или иной принадлежности. Но, с другой стороны, на культуру поведения человека оказывают влияние такие факторы, как менталитет, образ жизни, характер и т.д. В русской лингвокультуре бытует мнение, что *«гневатся – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское»*. Под воздействием гнева человек способен оскорбить человека, совершить поступок, который нарушит все границы толерантности. Кабардинская пословица гласит: *«Цхъэклуэ зышхыр цхъэ шхыгъуэ йохуэж»* – «Умеющий сдерживать гнев (проглотить обиду) доживет до старости». Негативная оценка гнева, несдержанности содержится и в русских и английских пословицах: *«Гнев человеку сушит кости, крушит сердце»*, *«Гнев – плохой советчик»*, *«Anger is a short madness»* - «Гнев – это короткое безумие», *«He that is angry, is seldom at ease»* - «Кто гневается, тот редко находит покой». В русском языке используется ряд фразеологических единиц, содержащие характеристику сдержанного человека, например, *взять (брать) себя в руки, (овладевать) собой, обладать собой, олимпийское спокойствие* и др., которые свидетельствует о том, что сдержанность – это способность властвовать над собой, хотя она может стать причиной нервного

срыва, к которому может привести постоянное напряженное спокойствие (ср. ФЕ *держат себя на привязи, через силу, наступить себе на горло и т.д.*).

Исходя из содержания приведенных паремий и фразеологических единиц, можно констатировать, что гнев в ментальной структуре этноса – это не просто эмоциональное состояние человека, а актуализированный в сознании носителей языка ретранслятор качественных характеристик как индивида, так и в целом социума.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что сдержанность как репрезентант толерантности – это умение управлять собой, понимать, что вседозволенность имеет негативные последствия, умение сдерживать свои эмоции и контролировать их, то есть эмоциональная стабильность и «иммунитет» к стрессовым ситуациям.

Далее в работе рассматривается такой этноспецифичный репрезентант, как *шыӀыныгӀэ «терпение»*, то есть «способность не показывать свой гнев, переживание, боль и т.д.» Он имеет следующие когнитивные признаки: наличие какой-либо неблагоприятной ситуации, подавление в себе желания что-либо сделать, чтобы изменить эту ситуацию, терпение имеет границы. При таком подходе толерантность представляется по своему содержанию шире, чем терпение, которое близко по значению к лексемам смирение, покорность и даже страдание. В адыгском этикете постулируется: человек должен терпеть душевную и физическую боль, более того он не должен внешне показывать ее. Понимание терпимости в русском языковом сознании несколько другое. Согласно Словарю живого великорусского языка В. Даля терпеть – это «выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать, крепиться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая, ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться, снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать» [1998, т.4: 401-402]. По мнению А.А. Бариловской, «основными репрезентантами толерантности в русском языке являются «терпимость» и «выдержка». В этот ряд по лексикографическим показателям, по ее мнению, стоит включить и слово «снисходительность», причем как доминанту синонимического ряда, в который входит слово «толерантность» [2008:21]. Терпимость и выдержка, на наш взгляд, дополняют друг друга, так как их объединяет когнитивный признак «переносить трудности, которые требуют физических и моральных усилий».

А.Д. Шмелев концепт «терпимость» в русской языковой картине мира рассматривает с трех точек зрения: как установку на «примирение с действительностью»; как терпимость к чужому мнению; как ассоциативные связи, которые вызывает слово терпимость у носителей русского языка [Шмелев 2005: 111–112]. По мнению О.А. Михайловой, терпимость как душевное качество близка к таким категориям, как «великодушие, добро, сердечность,

чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость, готовность помочь» и входит в систему культурных ценностей русского народа [2005: 103]. В то же время О.А. Михайлова считает, что толерантность и терпимость нельзя рассматривать как синонимы [Михайлова 2005: 105].

Лингвистический материал кабардино-черкесского языка показывает, что репрезентант толерантности *шылэныгъэ* шире терпения и терпимости, хотя терпимость – своеобразный путь достижения успеха и желанной цели: *«Шылэныгъэ ерыщыгъэ зыхэгъэлъ – мурадым лэжсэкъур хуумыч»* – «Будь терпеливым и упорным – не торопись к цели раньше времени»; *«Зызышылэфым выгуклэ тхьэкълумэкълыхъ къеубыдыф»* – «Терпеливый человек может поймать зайцев даже сидя в арбе». Обладать таким качеством, как *шылэ*, считается большим счастьем, везением, и это заслуживает уважения: *«Шылэ зилэм насып илэц»* – «Счастлив тот, кто обладает терпением»; *«Шылэныгъэ зыхэлъыр насыпифлэц»* – «Терпеливый человек счастливый»; *«Зыхуэмышылэ титтырафэц»* – «Нетерпеливый часто обжигается». Терпение – это умение и способность подавлять негативные эмоции, вызываемые чьими-либо действиями: *тэмакъым тегъэхуэн* «стерпеть, вынести, выдержать (замечание, обиду и т.п.)»; *тэмакъым тэхуэн* «стерпеть, проглотить что-л. (замечание, обиду и т.п.)», хотя Б.Х. Бгажноков подчеркивает: «Адыгская этика обязывает отличать нравственно оправданную терпимость от терпения, граничащего с трусостью, малодушием, рабской покорностью» [1999: 65]. Таким образом, терпимость в кабардино-черкесском языке имеет и такие когнитивные признаки, как: проявлять трусость, проявлять малодушие, проявлять рабскую покорность. Сравним с русскими пословицами: *«Бог терпел, да и нам велел»*, *«Час терпеть, а век жить»*, *«С бедой не перекоряйся»*, *«Терпи, работай – сыт будешь, молись – спасешься»*, *«Терпи – взмилуются»*, *«Без терпения нет спасения»*, *«Китаец терпением берет»*, *«За терпение Бог дает спасение»*, *«Без терпения нет спасения»*, *«На хотенье есть терпенье»*, которые свидетельствуют о том, что терпение – залог стабильного существования человека и общества, хотя и в русском, и в адыгском, и в английском языковом сознании оно имеет границы, например, *ФЕ терпение лопнуло, выйти из терпения, потерять терпение*, пословицы *«Всякому терпению мера»*, *«Терпя, и камень треснет»*, *«Терпя и горшок надсядет»*, *«Цыхум я нэхъ тэмакъ кълыхъри къыщитхъынклэ мэхъу»* – «Даже у самого смиренного человека может терпение лопнуть», *«Even a worm will turn»* – «Даже червяк перевернется», *«A man may bear till his back break»* – «Человек может терпеть до тех пор, пока у него спина не переломится» содержат информацию о том, что в терпении имеется предел.

Таким образом, терпимость тесно связана со сдержанностью, то есть с умением прощать человека за его ошибки, за неосторожно высказанные слова, с

умением сглаживать разногласия, уважительно относиться к окружающим людям, способность регулировать свое эмоциональное и речевое поведение.

Кроме сдержанности, терпения, по мнению адыгов, для позитивной коммуникации необходимо иметь ум, разум: «*Акъыл зилэм шылэ илэц*» – «Умный обладает терпением»; «*Акъылым хузэфлэкълунум и нэхъыцхъэ дьдэр шылэныгъэриц*» – «Терпение – высшее проявление разума». Ср. с русскими пословицами «*Без ума голова – ногам пагуба*», «*Богатство – грязь, ум – золото*»; английской поговоркой «*Little wit in the head makes much work for the feet*» – «*Мало ума в голове задает много работы для ног*». В представлении кабардинцев, концепты ум, разум имеют широкое значение. Как репрезентанты толерантности, они опираются на такой концептуальный признак, как эмоциональность, и имеют оценочные смыслы, то есть они рассматриваются как высшая способность человека давать себе отчет о своих поступках, следовательно, быть терпимым, сдержанным, контролировать свои поступки, эмоции.

Признаком толерантности является и бэшэчагъ – выносливость, хотя это качество прежде всего отражает степень работоспособности человека. Композит бэшэч состоит из компонентов «бэ» – много и «шэч» – терпеть, сносить что-либо / *Уз, бамплэ, зэгъэтыгъуэ уамыгъэдзыхуэ, уамыгъэшынзу зышылэн, зылыгъын*» (букв.: терпеть боль, гнев, досаду, не быть чувствительным к ним, не бояться их) [СКЧЯ 1999: 760] и означает «вытерпеть многое». Употребляется применительно к человеку, который безропотно сносит все тяготы. Однако если исходить из понимания выносливости как умения длительное время нести большие нагрузки, в том числе и негативные, неблагоприятные, а порой и вредные для здоровья, то можно полагать, что в адыгском языковом сознании бэшэчагъ/ выносливость – это проявление волевых качеств, требующих умения терпеть. Терпение и выносливость помогают преодолеть все жизненные невзгоды: «*Бэшэчыныгъэр зытемыклуэн щылэкълым*» – «Терпение все превозмогает», а потому, кто терпелив, тот счастлив: «*Насып зилэм шылэ илэц*».

В кабардино-черкесском языке существует лексема «хъэтыр», которую также можно рассмотреть как репрезентант толерантности. Ее значение приблизительно может быть передано на русском языке словосочетанием «*бескорыстная готовность оказать помощь, услугу*». Ср. англ.: «*You're being extremely kind*» (благодарность за незначительную помощь).

Слово хъэтыр (хатер) встречается и в других языках народов Северного Кавказа, например, в осетинском языке оно имеет несколько значений: 1) прошение, извинение; 2) пощада, помилование; 3) уступка, снисхождение, из которых к адыгскому пониманию близко последнее значение. О бескорыстном человеке говорят: «*Хъэтыр илэц*» – знает хатыр (признак благородного поведения). Ср. антонимы *хъэтырыншэц*, *хъэтырмышц* «не знает хатыр» (признак равнодушия к чужой беде). Кроме того, данный репрезентант ис-

пользуется и тогда, когда собеседник сам просит помощи (то есть оказать хатыр): «*Си хьэтыр къэлягъу*» – «Войди в мое положение»; «*Ди зэныбжъ-эгъугъэм и хьэтыркIэ схуэкIуэ*» – «Сходи туда ради нашей дружбы»; «*Шыгъунастэу зэдэтихам и хьэтыркIэ къыхуэцIэ*» – «Сделай это ради хлеб-соли, которую нам довелось делить с тобой» и т.д. Когнитивными признаками этого концепта являются «идти на уступку», «быть готовым помочь другому человеку, нуждающемуся в помощи», «войти в положение другого человека», «поставить себя на его место», «оказать бескорыстную услугу нуждающемуся в помощи». Ср. рус. «*Не в службу, а в дружбу*».

С целью верификации теоретических положений, которые нами сформулированы в данной работе, а также корреляции репрезентантов концепта «толерантность» нами проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 450 студентов гуманитарных факультетов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова в возрасте от 17 до 20 лет. Респондентам был предложен стимул «толерантность», на который необходимо была дать реакции (ассоциаты).

Несмотря на то, что респонденты – носители кабардино-черкесского языка, большинство реакций получено на русском языке, очевидно, на выбор языка в значительной степени повлияло то, что языком обучения и межнационального общения является русский язык. Большинство участников эксперимента понимает толерантность неоднозначно, об этом свидетельствует то, что они привели несколько значений. Мы выделили 39 стереотипных реакций, 26 индивидуальных реакций, 5 этнокультурных реакций, всего 70 реакций. 72, 66 % респондентов понимают под толерантностью терпимость, 24 % – уважение, 20 % – сдержанность, то есть они являются доминантными в языковом сознании молодого поколения, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что на понимание толерантности влияет знание его толкования в русском и английском языках, а также об эволютивном характере толерантности.

Анализ ответов позволяет нам выделить три когнитивных признака концепта «толерантность» в языковом сознании респондентов: 1) **толерантность – отношение к кому-либо, к чему-либо:** а) терпимое (терпеливое) отношение друг к другу. Этот вариант взаимоотношений людей респонденты рассматривают как наиболее желаемую форму толерантных установок; б) уважительное отношение к старшим, женщине, другой национальности, религии, к окружающим людям (миру), чужому слову, мнению; 2) **толерантность как качество человека:** терпеливый, хороший, добрый, снисходительный, порядочность, дружелюбность, человеколюбие, преданность; 3) **толерантность как умение:** умение жертвовать собой во имя чего-то, умение вести себя в обществе, умение отстаивать свое мнение, умение слушать другого, умение прощать чужие ошибки, умение жить в согласии, умение прощать предательство, понимание другого, умение любить окружающих, умение находить общий язык, умение жить в обществе, умение жить в согласии.

В **Заключении** подведены итоги, намечена перспектива дальнейшего исследования.

1. Концепт «толерантность» является неотъемлемым фрагментом языковой картины мира, представляющим собой совокупность когнитивных признаков, отражающих отношение этноса к Другому, Чужому. Он как многомерный, сложный лингвокультурный феномен направлен на поддержание гармонии в социуме. Структура и содержание концепта «толерантность» складывалась на протяжении веков как результат когнитивных поисков сценария /сценариев поведения в различных ситуациях.

2. Концепт «толерантность» как лингвокультурный феномен обладает как универсальными, так и национально-специфическими компонентами-маркерами, содержащими важную для этноколлектива информацию.

Перспективы дальнейшего исследования представляются в изучении проблемы толерантности на материале различных типов дискурсов.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. Мидова Д.Х. «Намыс» как когнитивная составляющая концепта «толерантность» // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик, 2011, Т. 1, № 2. – С. 75–80.

2. Мидова Д.Х. Репрезентация концепта «толерантность» в адыгской линвокультуре // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2012, № 1 (45). – С.157–164.

Статьи и тезисы докладов в сборнике научных трудов

3. Мидова Д.Х. Место речевого этикета в феномене этносоциолингвокультуры.// Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. – С. 17–20.

4. Мидова Д.Х. Особенности репрезентации концепта «уважение» в разных лингвокультурах (лексикографический анализ русских, английских, и кабардинских источников) // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы: Международная научная конференция, Элиста, 29–30 ноября 2007 г. – Элиста: Изд-во Калмыцкого государственного университета, 2007. – С. 106–108.

5. Мидова Д.Х. Лексикографическое представление термина «толерантность» в русских, англо-американских и кабардинских источниках // Толерантность в России: история и современность: всероссийская научно-практическая конференция, Волгоград, 23 ноября 2007 г. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – С. 32–36.

6. Мидова Д.Х. Толерантность как компонент этнокультуры в обучении иностранному языку // Проблемы обучения родным языкам в условиях полиэтничного общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2008. – С. 186–191.

7. Мидова Д.Х. Лексикографический анализ компонентов значения понятия «толерантность» на основе английских, русских и кабардинских источников // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Филологические науки. Вып. 10. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – С. 17–20.

8. Мидова Д.Х. Этноспецифичные репрезентанты концепта «толерантность» в кабардино-черкесской лингвокультуре // Реализация модели «Культуротворческая национальная школа» на Северном Кавказе», 27–29 июня 2011 г., Нальчик, и Международного семинара «Женщина и бизнес: международное сотрудничество с Северо-Кавказским регионом» (Россия–Голландия–Кабардино-Балкарская Республика), 15–22 октября 2011 г.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2011. – С. 83–88.

В печать 07.03.2012. Тираж 100 экз. Заказ № 6495.
Полиграфический участок ИПЦ КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

102